

Переписка Владимира Гиппиуса и Валерия Брюсова *Публикация и подготовка приложений Е. Ивановой (ИМЛИ РАН)*

Первое знакомство москвича Валерия Брюсова и петербургских пропагандистов нового искусства Вл. Гиппиуса и Александра Добролюбова произошло в июле 1894 года и было связано с выходом первого выпуска брюсовского альманаха «Русские символисты», что достаточно ярко отражают два первых письма в публикуемой далее переписке.

Название альманаха «Русские символисты» отсылало к опыту французских символистов, с которыми Брюсов познакомился незадолго до этого: «Между тем, в литературе прошел слух о французских символистах. Я читал о Верлене у Мережковского (“О причинах упадка”), потом еще в мелких статьях. Наконец, появилось “Entartung” Нордау, а у нас статья З. Венгеровой в “Вестнике Европы”. Я пошел в книжный магазин и купил себе Верлена, Малларме, А. Рембо и несколько драм Метерлинка. То было целое откровение для меня”».¹ В упомянутой Брюсовым статье Зинаиды Венгеровой «Поэты-символисты во Франции», опубликованной в сентябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1892 год, творчество новых французских символистов оценивалось достаточно критически, но благодаря ей Брюсов сумел разглядеть во французском символизме нечто иное, и 4 марта 1893 года в его дневнике появляется запись: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное. Без догматов можно плыть всюду <?>. Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу их: это декадентство и спиритизм. Да! Что ни говорить, ложны ли они, смешны ли, но они идут вперед, развиваются, и будущее будет принадлежать им, особенно если они найдут достойного вождя. А этим вождем буду я! Да, Я!»²

¹ Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти / Предисл. и примеч. Н. С. Ашукина. М.: М. и. С. Сабашниковы. 1927. С. 76.

² Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. статья Е. В. Ивановой. М., 2002. С. 28. Цитата из дневника Брюсова уточнена по статье: Богомолов Н. А. Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 281.

Французский символизм заинтересовал Брюсова как новый поэтический стиль, он пробовал переводить французских поэтов, подражал им в собственных стихах и задумал выпустить сборник, который первоначально носил заглавие «Символизм. Подражания и переводы». Эти «подражания и переводы» он соединил со стихами своего друга А. А. Ланга, и в результате был издан первый выпуск альманаха «Русские символисты», на страницах которого были опубликованы произведения двух авторов – самого Брюсова и Ланга, печатавшегося под псевдонимом А. Л. Миропольский. Претензии были достаточно скромными, в заглавии «Русские символисты» для Брюсова акцент был на первом слове, что отмечало преемственную связь с французским символизмом.

Памятуя о скандалах, связанных с первыми выступлениями французских поэтов и пытаясь минимизировать размеры возможного скандала вокруг своего издания, Брюсов прибегнул к нехитрой мистификации: первый выпуск открывало предисловие от лица вымышленного издателя В. А. Маслова, где было сказано: «Нисколько не желая отдавать особого предпочтения символизму и не считая его, как это делают увлекающиеся последователи, “поэзией будущего”, я просто считаю, что и символистическая поэзия имеет свой *raison d’etre*¹». Заканчивалось это предисловие приглашением также от лица Маслова: «Следующие выпуски этого издания будут выходить по мере накопления материала. Г.г. авторов, желающих поместить свои произведения, просят обращаться с обозначением условий на имя Владимира Александровича Маслова. Москва. Почтамт, *poste restante*²».³

На приглашение и откликнулись тогда Вл. Гиппиус и Добролюбов, о чем говорит их первое коллективное письмо, адресованное вымышленному издателю «Русских символистов» и оказавшееся в руках Брюсова, который этот и два последующих выпуска издавал исключительно за свой счет и был заинтересован в союзниках.

Вл. Гиппиус и Добролюбов поначалу воспринимали Брюсова как одного из авторов и рассчитывали через него установить контакт с издателем В. А. Масловым. Первым визит Брюсову нанес Добро-

¹ Право на существование (*франц.*)

² До востребования (*англ.*)

³ Русские символисты. Выпуск 1. Валерий Брюсов и А. Л. Миропольский. М., 1894. С. 3.

любов, в дневнике Брюсова 19 июня 1894 года записано: «В субботу явился ко мне маленький гимназист, оказавшийся петербургским символистом Александром Добролюбовым. Он поразил меня гениальной теорией литературных школ, переменяющей все взгляды на эволюцию всемирной литературы, и выгрузил целую тетрадь странных стихов. С ним была и тетрадь прекрасных стихов его товарища – Вл. Гиппиуса. Просидел у меня Добролюбов в субботу до позднего вечера, обедал etc. Я был пленен».¹

«Гениальная теория литературных школ» Добролюбова не случайно поразила Брюсова при первой встрече, как и «тетрадь прекрасных стихов» Вл. Гиппиуса. Издавая первый выпуск «Русских символистов» Брюсов еще не сформулировал для себя сколько-нибудь ясно, в чем он видит эстетическое своеобразие французского символизма, единственное, что было сказано в предисловии, да и то от лица Маслова: «цель символизма – рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение».²

Следующий визит Добролюбов и Вл. Гиппиус нанесли вместе через два дня: «...в понедельник опять был Добролюбов, на этот раз с Гиппиусом, и я опять был прельщен. Добролюбов был у меня еще раз, выделял всякие странности, пил опиум, вообще был архисимволистом.

Мои стихи он подверг талантливой критике и открыл мне много нового в поэзии. Казалось, все шло на лад: Добролюбов писал статью, их стихи должны были войти во 2-й выпуск, но вот два новых символиста взялись просмотреть другие стихи, подготовленные для 2-го выпуска. В результате они выкинули больше половины, а остальные переделали до неузнаваемости. В субботу они явились с этим ко мне. Мы не сошлись и поссорились. Союз распался. Жаль! Они люди талантливые».³

О причинах расхождения мы узнаем из письма Брюсова к Лангу: петербуржцы, т. е. Добролюбов и Вл. Гиппиус, взялись просматривать стихи остальных участников «Русских символистов» и отвергли многие из них, поскольку они не были символистскими в полном

---

¹ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 33.

² Русские символисты. Выпуск 1. Валерий Брюсов и А. Л. Мировольский. С. 3.

³ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 33–34.

смысле слова. В результате, как пишет Брюсов, «от тебя <А. А. Ланга. – Е. И.> осталось 1½, от меня 1¾, от Мартова 1, от Бронина 2, от Новича 1. Зато вошло 7 стих. Добролюбова, 5 Гиппиуса и 4 Квашнина-Самарина».¹ Претензии новых авторов на гегемонию задели Брюсова, тем более, что они имели под собой основания: стихи петербуржцев в большей степени соответствовали названию сборника. Это сознавал и сам Брюсов, замечая в том же письме: «Самый гибельный их довод... был следующий: вы нарочно печатаете свои (т. е. мои и твои) декадентские стихи, а у других декадентские. Т. е. критика, к декадентам вообще не расположенная, начнет вас хвалить... Мерзавец был прав, хотя, конечно, я преотчаянно защищал нас, доказывая, что символизм вовсе не новая школа, что в символистском сборнике нужны и несимволические произведения, что, наконец, наши тоже – черт возьми – символические произведения».²

В результате этих расхождений Добролюбов и Вл. Гиппиус отказались от участия в сборнике. Но их аргументы сильно подействовали на Брюсова. Он и в самом деле почувствовал себя слишком умеренным символистом. И поскольку он собирался стать не менее как вождем, он решил собственную «умеренность» преодолевать, как писал он в том же письме: «Мой друг, не роптать, а повиниться! Мы должны смирить их! Наш сборник должен быть и прекрасен, и символичен! Все, что у нас есть, надо превратить в шедевры. Друг! Не изумляйся! Если надо – напишем все вновь! Ничего дорогого пусть не существует! Лучшие стихи, может быть, придется выкинуть... И дни и ночи я занят поправками... Бронина всего переделал, так что он сам себя не узнает. Мартова переделываю страшно. Собственные стихи переделываю от верха до низу! Вперед!!!»³

При редактировании Брюсов стремился прежде всего к усилению странности образов и тропов. Музыкальные названия разделов второго выпуска «Русских символистов» (ноты, гаммы, сюиты) появляются под влиянием Вл. Гиппиуса и Добролюбова, оба они часто использовали в названии своих произведений музыкальные термины. Но, в отличие от петербуржцев, во втором выпуске брюсов-

¹ РГБ, ф. 386, карт. 71, ед. хр. 44, л. 16–17.

² Там же.

³ Там же. Примеры редакторской работы Брюсова приведены в статье: *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // *Искусство.* 1927. № 3. С. 186.

ского альманаха «Русские символисты» эти названия являлись чисто декоративными, не несли никакой смысловой нагрузки.

Отразилось на этом выпуске и знакомство с «гениальной теории литературных школ» Добролюбова, некоторые мысли из вступительной заметки представляли собой прямые заимствования из нее. Теорию эту можно реконструировать по интервью «Московские декаденты», помещенном в газете «Новости дня»: «Задача поэзии изображать видимое и чувствуемое в движении. <...> Это аксиома <...>. И вот движение, которое изображается поэтом, может быть изображено в целом ряде отдельных моментов. <...> в каждом движении есть момент начальный, момент предельный и момент центральный. Момент центральный – это цель, сущность, объяснение всего акта данного движения. Им занималась классическая эпоха. Следующая эпоха изображала только конечный момент движения. Третья эпоха – реалистическая: она стремится изобразить движение в его целом, во всех трех моментах. <...> Наконец, наш период – период символизма: мы изображаем только начальный момент движения, предоставляя остальное угадыванию».¹

В приведенном интервью эта теория излагалась от лица анонимного символиста, но сразу после ее появления Добролюбов и Вл. Гиппиус откликнулись на нее следующим образом: Вл. Гиппиус возмущенно восклицал: «Читал я эту фальсификацию критических взглядов моего собрата... Плагиат не плагиат, а вроде».² Добролюбов более мирно написал: «благодарит» за попытку восстановления истины, хотя заметку еще не прочитал.³ Поэтому в следующем интервью Брюсов спешит назвать автора этой теории: «Она распространена, главным образом, в петербургском кружке, где право собственности на нее предьявляет некто г. Д<обролюбов>...».⁴ Но далее, пытаясь сформулировать отличительные признаки символического произведения, он в измененном виде повторяет мысль Добролюбова: «Обыкновенные поэты воплощают свою мысль, когда она находится уже вполне разработанною, символисты же берут ее первый проблеск»⁵ (ср. «начальный момент движения»).

¹ Арсений Г. <Гурлянд И. Я.> Московские декаденты // Новости дня. 1894. № 4024. 27 авг. С. 2.

² РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 19, л. 3–3 об.

³ Там же.

⁴ Арсений Г. <Гурлянд И. Я.> Указ. соч. С. 3.

⁵ Там же.

Еще более явно эта теория использовалась во вступительной заметке ко второму выпуску «Русских символистов», написанной в форме ответа «очаровательной незнакомке». На ее вопрос – «зачем же говорить намеками <имеется в виду свойство поэтики символизма. – Е. И.>, если можно сказать прямо!» – Брюсов назидательно замечает: «В каждой мысли можно проследить целый процесс развития от первого зарождения до полного развития. Сущность развития литературных школ и заключается именно в том, на какой ступени развития воплощает поэт свою мысль. Так, в романтической школе, каждый образ, каждая мысль являются в своих крайних выводах. Символизм, напротив, берет их первый проблеск».¹ По воспоминаниям Н. Я. Брюсовой, ее брата тогда поразила мысль Добролюбова, «что современная поэзия есть движение». «Это все в радости Валерий рассказывал и нам», – писала она.² Ту же мысль Брюсов повторил и в письме П. П. Перцову: «Эволюция новой поэзии есть не что иное как постепенное освобождение субъективизма».³

Пристально изучал Брюсов и творчество Добролюбова. Если при первой встрече он отнесся к его стихам скептически, оценив более высоко стихи Вл. Гиппиуса, то теперь он записал в дневнике: «Вчитываясь в моих знакомых символистов, начинаю предпочитать стихи Добролюбова: Гиппиус эффектней, но слабее».⁴

Тем не менее Брюсов и стихи Вл. Гиппиуса внимательно изучал по тетради, которую тот оставил для передачи В. А. Маслову. В черновике письма к Вл. Гиппиусу от 21 (или 22) июля 1894 года Брюсов писал: «Милостивый Государь Владимир Васильевич. Тетради как Вашу, так и г. Добролюбова я получил и могу передать Вам ее или в среду (после 3 часов дня), или в один из ближайших понедель-

¹ Русские символисты. Выпуск 2-й. Стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Миропольского, Новича и др. Вступительная заметка Валерия Брюсова. Издание В. А. Маслова. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. С. 4.

² РГБ, ф. 386, карт.120, ед. хр. 47, л. 6.

³ Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. (К истории раннего символизма). М., 1927. С. 59.

⁴ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 34. Брюсов скопировал стихи, оставленные Добролюбовым. В основном это были ранние редакции, которые составили первый сборник Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata». См. приложение к статье: Иванова Е. В. Александр Добролюбов – загадка своего времени. Статья первая. Приложение: Ранние редакции стихотворений А. Добролюбова // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 230–236.

ничных дней (в то же время)».¹ Выписки из тетради Вл. Гиппиуса сохранились в архиве Брюсова (см.: Приложении I²).

После неудачи с изданием общего выпуска «Русских символистов» отношения Брюсова с Вл. Гиппиусом на некоторое время прерываются, они возобновляются после получения сообщения от Добролюбова от 19 февраля 1895 года о том, что в Петербурге предполагается издание журнала «Горные вершины», объединяющего сторонников нового литературного направления.³ Редакторами журнала намеревались стать Вл. Гиппиус, Добролюбов и К. Льдов.⁴ Это известие очень радует Брюсова. С нескрываемым торжеством он пишет П. П. Перцову: «А символизм, видимо, “загубит” еще многих молодых поэтов. Я получил полуофициальное письмо от А. Добролюбова, где мне сообщают об основании в Птб еженедельного журнала Горные Вершины, посвященного новому направлению и высказывается надежда, что все “символисты” примкнут к нему (к журналу). Имя Добролюбова ручается лишь за одно – журнал будет изыщен; больше ни на что не надеюсь, но, конечно, радуюсь. Не знаю, “примкну ли” я (ибо в свое время мы расстались с А<лександром> Д<обролюбовым> в довольно натянутых отношениях), но мое пророчество исполняется – символизм постепенно занимает господствующее положение в русской литературе».⁵

Колебания Брюсова, «примкнуть ли» к новому журналу, связаны с его задетым самолюбием и стремлением главенствовать. Но и для него необходимость издания «журнала для своих», была в то время необычайно острой. Издания сборников, предпринимаемые исключительно за свой счет, не удовлетворяли потребности Брюсова в самовыражении. Архивные материалы позволяют с уверенностью утверждать, что Брюсов готовился быть участником журнала «Горные вершины». Из второго письма Добролюбова мы узнаем, что Брюсов прислал в редакцию свои стихи и предложил ряд статей, из которых журнал за-

---

¹ Цит. по: Письма <В. Я. Брюсова> из рабочих тетрадей / Вступит. статья, публик. и коммент. С. И. Гиндина // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1–2. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 608

² См. с. 64–66 наст. изд.

³ Подробнее об истории несостоявшегося журнала «Горные вершины» см.: Иванова Е. В. Александр Добролюбов – загадка своего времени. С. 214–219.

⁴ РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 16, л. 1.

⁵ Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. С. 59.

хотел получить «статью “Символизм в александрийской поэзии”, критические замечания о недавно изданном сборнике А. Добролюбова “Natura naturans. Natura Naturata”¹ и о сборнике Соловьева».²

Как уже говорилось,³ Вл. Гиппиус по поручению редакции журнала был послан к Мережковским с предложением об участии, но в результате состоявшегося тогда знакомства со своей троюродной сестрой и сразу подпав под ее влияние, Вл. Гиппиус отказался от участия в журнале.

Позднее он писал, что к этому моменту между ним и Добролюбовым уже возникли разногласия, начался его отход от декадентства и т. д. Но это было потом, тогда же, как писал П. П. Перцов, «дело было близко к осуществлению: первый номер уже составлялся и ждал только цензурного разрешения (“к марту”). Но все рухнуло из-за отказа участвовать В. В. Гиппиуса, близкого друга и, можно сказать, alter ego Добролюбова в ту пору».⁴

В апреле 1896 года Брюсов находился в Петербурге, он встретился с Добролюбовым и Вл. Гиппиусом, но уже по отдельности, и их авторитетность в глазах Брюсова на этот раз поменялась местами, о Добролюбове он писал: «...это развалины прежнего Добролюбова, это покорный, заискивающий юноша. Жизнь смяла его, и я люблю его... Но... читателей у него не будет!»⁵ Напротив, Вл. Гиппиуса он ставил теперь очень высоко: «...о, это человек победы! Он горд и смел и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет он будет знаменитостью. Исполать ему».⁶ Брюсов не мог предположить, что Добролюбов в тот момент находился накануне «ухода в народ», который и стал краеугольным камнем его последующего авторитета в среде русских символистов.

В это же самое время подпавший под влияние Мережковских Вл. Гиппиус также мучительно раздумывал, издавать ли ему сборник стихов. К отказу от издания его склоняла «тетушка» Зинаида Николаевна. Тем не менее сборник под заглавием «Песни» он все-та-

¹ Добролюбов А. *Natura naturans. Natura Naturata*. СПб., 1895. Рецензия Брюсова на книгу Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» опубликована не была, см. ее публикацию в приложении к статье: Иванова Е. В. Александр Добролюбов – загадка своего времени. С. 224–230.

² РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 16, л. 7–8 об.

³ См. с. 33 наст. изд.

⁴ Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. // Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 187.

⁵ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 40.

⁶ Там же.

ки издал в 1897 году, но как следует из публикуемого далее письма Брюсову от 10 января 1897 года, по выходе сборника решил не выпускать его в свет, так как считал «крайне несовершенным».

Следующая встреча Брюсова с Вл. Гиппиусом произошла в Петербурге во время приезда туда Брюсова в конце 1897 года, 10 декабря он записал: «Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих. Беседовали довольно вяло до 12. Гиппиус переменялся, но внешне: он говорит о простоте, смеется над мудрствованиями немецких философов, но, в сущности, он все тот же автор “Ворона”. Стихи его любопытны. Эрлих – студент, хотя голова его лысеет, говорит о своей системе метафизики, где примиряются Спиноза и Лейбниц, но говорит скромно. С ним мы сошлись на любви к Добролюбову».¹

Этот загадочный молодой философ Яков Эрлих, был последней связующей нитью между Вл. Гиппиусом и Добролюбовым, поскольку одинаково почитался тем и другим. Позднее он вместе с Брюсовым участвовал в подготовке сборника А. Добролюбова «Стихотворения» (М.: Скорпион, 1900), изданного уже после его «ухода в народ». У Эрлиха хранились рукописи Добролюбова, бесследно исчезнувшие после его скоропостижной и внезапной смерти, как и его собственные сочинения, от которых до нас не дошло ни строки.

Видимо, последний визит Вл. Гиппиуса к Брюсову состоялся в 1899 году в апреле–мае, когда он готовился к экзаменам. С изрядной долей иронии Брюсов записал содержание их беседы: «читал много стихов и удивлялся, по какой причине печатают в журналах те стихи, которые там печатаются».²

Выход «Книги раздумий», от участия в которой Вл. Гиппиус уклонился, поначалу не изменил отношения к нему Брюсова, он продолжал высоко ценить его творчество. В январе 1900 года Брюсов писал Ив. Коневскому: «Стихи Гиппиуса, оставленные Вами, прекрасны, замечательно-хороши (много выше, чем те, которые Вы оставили нам осенью); “Весна” – совершенство даже после Тютчевских Весен; “Тростинка” тоже совершенство».³ Но вот рецензия

---

¹ Там же. С. 70.

² Там же. С. 85.

³ Переписка <В. Я. Брюсова> с Ив. Коневским (1898–1901) / Вступит. статья А. В. Лаврова. Публ. и коммент. А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. С. 479.

Вл. Гиппиуса на «Книгу раздумий»¹ это хорошее отношение поколебала. Брюсова возмутили не столько сами оценки, сколько их бездоказательность. Наиболее пострадавшему от нее Ив. Коневскому Брюсов писал: «Я читал <...> рецензии Гиппиуса о нас. Конечно, нет тех глупостей, как в “Новом времени” и “России”, но и умного немного. Элементарнейшие и ненужные суждения. Я разочарован».²

На первый взгляд могло показаться, что как раз Брюсова Вл. Гиппиус пощадил, по крайней мере так считал Ив. Коневской. На самом деле Брюсов был не менее задет тем, что отметил Вл. Гиппиус в своем отзыве: «...г. Брюсов писал бы, вероятно, недурно, если бы свои неприятельные настроения выражал не таким притязательным стихом...».³ Подобная снисходительная оценка была для Брюсова горше любых ругательств: ведь именно создание совершенных стихов, поиски небанальных тем, экзотических размеров и рифм ставил он во главу угла в своем творчестве, и отзыв Вл. Гиппиуса относился к разряду тех, про которые сказано: «не поздоровится от эдаких похвал».

Тем не менее, когда создавалось первое издательство символистов «Скорпион», и Брюсов готовил альманах «Северные цветы», чтобы под одной обложкой собрать всех, кого он считал представителями нового искусства, по инерции он пригласил и Вл. Гиппиуса, предложение принявшего, но опубликовавшего несколько своих стихотворений под псевдонимом Владимир Г...ь.⁴ Одно из этих стихотворений («Нет отречения в отреченье...») полемически было направлено против Добролюбова, который к этому моменту отрекся от литературы и ушел в народ, став странствующим проповедником.

Последние дневниковые записи Брюсова о Вл. Гиппиусе относятся к 1902 году, в январе он записал: «Приезжал Вл. Гиппиус. Все более и более теряет своеобразие. Женится и скоро будет “как все”. Не лишен еще ума, но уже почти не пишет стихов. От литературы как-то отстал».⁵

¹ См. также с. 18–19 наст. изд.

² Переписка <В. Я. Брюсова> с Ив. Коневским (1898–1901). С. 489.

³ В. <Гиппиус Вл. В.> Книга раздумий: К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Дурнов, Ив. Коневской. Москва, 1899. [Рец.] // Мир искусства. 1900. Т. 3. № 5–6. С. 107.

⁴ Северные цветы на 1901, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 96–101.

⁵ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 131.

Еще две записи того же времени говорят о бедственном финансовом положении Вл. Гиппиуса, трудности, видимо, кончились со вступлением на педагогическое поприще, что на языке З. Н. Гиппиус и означало удаление «под сень струй», отход от участия в литературных делах.

Переписка с Брюсовым приобретала в последующие годы исключительно деловой характер, они относились друг к другу все менее заинтересованно. Это особенно заметно по отклику Брюсова на сборник Вл. Гиппиуса «Томление духа. Вольные сонеты» (Пг., 1916), опубликованного под псевдонимом Вл. Нелединский. Объектом критики Брюсова стала претензия автора называть собранные в книге 126 «вольных сонетов» сонетами вообще. Брюсов прочитал автору краткую лекцию о том, что является неотменяемым свойством структуры сонета, указал на признак, по которому можно определить форму сонета: «только по содержанию, где есть две обособленных идеи, – теза и антитеза, и их конечное согласование в синтезе – естественно облекается в форму восьмистишия и двух трехстиший».¹

По этой рецензии Брюсова трудно понять, сумел ли он раскрыть настоящее имя автора, это неведение могло быть и мистификацией, иначе неловко было бы читать подобные уроки не только поэту, но и известному к тому времени преподавателю словесности. В любом случае в конце Брюсов все же сделал намек, что почувствовал в сборнике руку опытного литератора: «Автор излагает свои мысли о современных поэтах, об Италии и Англии, о религии и смерти, но остается непонятно, зачем каждое размышление укорочено до 14-ти строк или растянуто на это число стихов. Впрочем, в книге есть отдельные неплохие стихи, автор способен и любит мыслить, в манере его письма чувствуется некоторая “школа”, для дебютанта всего этого было бы достаточно, но кое-что в книге, хотя для нас имя Г. Нелединского ново, заставляет догадываться, что он – не новичок в литературе».²

Последним откликом Вл. Гиппиуса на стихи Брюсова стала его статья 1913 года, опубликованная в газете «Речь», как отклик

---

¹ Брюсов Валерий Вл. Нелединский. Томление духа. Вольные сонеты. Пгд. 1916. Ц. 2 р. стр. 134 // Русские ведомости. 1916. 9 ноября. № 259. С. 6.

² Там же.

на полемику о творчестве Брюсова между Ю. И. Айхенвальдом и Ф. Д. Батюшковым. Мы ее печатаем (см. Приложение II), потому что большая ее часть посвящена как раз раннему творчеству Брюсова. В письмах Вл. Гиппиус выражал намерение откликнуться и на сборник Брюсова «*Me eum esse*» и на сборник «*Tertia vigilia*», но обещание свое сдержал только в 1913 году, и судя по этой статье ранние брюсовские стихи он продолжал ценить.

* * *

Публикуемая переписка Вл. Гиппиуса и Брюсова впервые печатается в полном объеме как двусторонний диалог. Письма Вл. Гиппиуса к Брюсову, без учета двух первых писем, впервые были опубликованы: *Рыкунина Ю. А.* «Книга дело – личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное». Письма Владимира Гиппиуса Брюсову (1897–1912) // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 308–328 (далее: *Рыкунина Ю. А.*, с указанием страницы). Пять писем Брюсова опубликованы Э. Литвин в сборнике «В. Брюсов и литература конца XIX–начала XX века» (Ставрополь, 1979. С. 125–131; далее: *Литвин Э.*, с указанием страницы).

Все письма сверены и публикуются по автографам с уточнением датировок: 7 писем Брюсова – ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 211, 16 лл.; 11 писем Вл. Гиппиуса – РГБ, ф. 386, карт. 82, ед. хр. 322, 27 лл., 2 письма – РГБ, ф. 386, карт. 82, ед. хр. 34, 2 лл.

1894

1

Вл. Гиппиус, Добролюбов – Брюсову¹
10 июня 1894

10 июня 1894 года, станция Химки

Милостивый государь!

Получив сведения из предисловия к книжке «Русские символисты»,² мы, имея в виду издать свои стихотворения, прибыли на днях из Петербурга в Москву и обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой назначить нам день и час для переговоров. Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Гиппиус и Добролюбов.

Адресовать: Николаевской железной дороги станция Химки. До востребования. Гиппиусу.

¹ Публикуется впервые. Письмо-автограф рукой Вл. Гиппиуса.

² Речь идет о предисловии «От издателя» в первом выпуске сборника «Русские символисты. Выпуск 1. Валерий Брюсов и А. Л. Миропольский» (М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894. С. 3–4), который вышел в свет в начале 1894 года – «Дозволено цензурою. Москва. 30 декабря 1893 года». См. также с. 27 наст. изд.

2

Вл. Гиппиус, Добролюбов – Брюсову
Лето 1894 года¹

К Валерию Яковлевичу Брюсову
Воззвание.
Жалостная трагедия

Занес

Хор. Многоуважаемый Валерий Яковлевич (à parte²). Так Вы и велели Вас именовать.

Два представителя Великого Символизма: Ваша психология относительно наших действий к Вам и другим «символистам» (à parte) Собственноручный Ваш титул. (Опять к Вал<ерию> Яков<левичу>) мало похожа <sic!> на правду... впрочем как хотите!

Прошение

Добролюбов: Не согласится ли Г. Маслов³ издать том моих стихов без ярлыка «Русские символисты»? Два представ<ителя> Великого Символизма: А?

Гиппиус: Не согласится ли г. Маслов издать том моих стихов отдельно без ярлыка «Русские символисты»?

Два представителя Великого Символизма: А?⁴

Хор: Просим убедительно! Сообщите!

Эхо: Сообщите.

Хор: Символисты Символисту челом бьют.

Два представителя Великого Символизма: Нет. Мы, не шутя, говорим. Сообщитесь с Масловым, окажите услугу. Известите нас об этом поскорее. Дело не терпит! Пожалуйста, во имя наших добрых отношений!

Хор: Символистам Земли Русской слава!

Эхо: Слава!

Финал

Апофеоз Великих Символистов Гиппиуса и Добролюбова

¹ Публикуется впервые. Датируется по содержанию. Коллективное обращение, судя по содержанию, было написано после расхождения с Брюсовым по поводу состава второго выпуска «Русских символистов» (М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894; «Дозволено цензурою. Москва. 23 августа 1894 года»). См. с. 28–29 наст. изд. Письмо написано каллиграфическим почерком, скорее всего, принадлежащим Вл. Гиппиусу.

² В сторону (*франц.*)

³ Второй выпуск сборника «Русские символисты» был представлен как издание «В. А. Маслова», чье имя, за которым скрылся сам Брюсов, было вынесено на титульный лист сборника.

⁴ О стихах Добролюбова и Вл. Гиппиуса, часть которых скопировал Брюсов (см. с. 31 наст. изд., примеч. 4) и Приложение I (с. 64–66 наст. изд.).

1897

3

Вл. Гиппиус – Брюсову¹
10 января 1897

10/1 1897

СПб, Звенигородская, 32 кв. 2.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сперва по адресу на присланной Вами книжке, а потом от Ф. К. Сологуба узнал о том, что Вы не зашли ко мне, и очень сожалел об этом.² Адреса Вашего не знал, и не мог зайти сам. Спешу поблагодарить Вас письменно за любезную присылку вашей книжки;³ с радостью отблагодарил бы Вас своей книжкой,⁴ да не могу, ибо нахожусь ныне в том периоде душевного состояния, когда книжка моя мне мерзит, и давать её, конечно, кому-нибудь нет никакой психологической возможности. Показывать, да! Но не давать! Один раз прочесть не то же что всегда читать... Как жаль, что не зашли, так хотелось бы с Вами побеседовать, *Me eum esse* мне понравилась гораздо более предыдущих Ваших книжек, хотя с Вашими тоническими нововведениями я совершенно не согласен, как противоречащими в большей части – духу русского языка. Простите мимоходную критику, к которой Вы, конечно, равнодушны.

Итак, я издал книжку, которую не выпускаю «в свет» (какое ироническое выражение – для книги, для русской книги в особенности!), потому что считаю ее крайне несовершенной; зачем же выступать на трибуну и говорить несовершенное? Не ценят ни совершенного, ни несовершенного. Отсюда – говорить пред толпой несовершенное – уже вовсе не приходится. Еще одна, (предположительная) версия – чердак, подвал. Почему мой чердак хуже Суворинского, Вольфовского и прочих?⁵ *Мой* – лучше. Еще если – совершенно, то что написал, пусть в выходе твоём в толпу, есть оттенок непонятого пророка, что некоторых утешает... Я не насчет оскорбляемого писательского самолюбия. Оно уже оскорблено давно, тысячи лет назад, и не мне переживать

давно прошедшее; я только рассудком понимаю всю бессмысленность явлений, и не хочу прибавлять к их числу еще одного, потому что не стоит. Когда в журналах печатают, – другое! Во-первых, журнал – дело общественное, в нем и беллетристику, и стихи читают с точки зрения житейской и выуживают оттуда какие-то <общественные> намеки, какие-то авторские указания – на быт, на нравы; (словно бы стоило огород городить, чтоб намекать и указывать на нравы, но читатель этим живет, это во всем и ищет); в журнале я не единица, а часть целого. Пускай себе, что угодно, находят, и возвышают меня, и унижают. Все равно они глядят с той стороны, на которой я никогда не бывал. А книга – дело другое, да, книг и не покупают. Книга дело – личное и конечно, в России совершенно бескорыстное. С книгой выступать – выходить на трибуну.

Думал я это еще раз по поводу издания Вашей новой брошюры, и не понял Вас. Не верю, чтобы Вы считали эту брошюру вполне совершенной, а если нет, то для чего же? – Извините, ради Бога! Если касаюсь то<го>, чего не должен был бы, может быть, касаться... Я искренно Вас не понимаю, как не понимаю многих, если не всех почти. А впрочем – извините!

Хотел бы обратиться к Вам, Валерий Яковлевич, с просьбой; если это не свяжет Вас, то удовлетворите. Вы, кажется, знаете Фр. Эверса; как помнится, вы его всего читали, и вообще знаете.⁶ Ныне мне для некоторых целей необходимы об нем все сведения. Так не снизойдете ли и не сообщите ли мне перечень его книжек, и не укажите ли главнейших биографических сведений, или где их найти: Вы понимаете, для реферата.⁷ Простите, пожалуйста, если обременил Вас, но растерян, нужно и нет, и где взять?

Есть ли еще что-нибудь интересное и главное наиболее национально-самобытное в той же области у Немцев? Еще раз извиняюсь и жму Вашу руку.

К услугам всегда готовый Владимир Гиппиус.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 320–322.

² Брюсов был в Петербурге в январе 1897. 11 января он посетил Сологуба (*Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма.* С. 43).

³ Брюсов прислал Вл. Гиппиусу свой сборник «*Me eum esse.* Новая книга стихов» (М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1897; фактически книга вышла в 1896). Местонахождение экземпляра, подаренного Вл. Гиппиусу, неизвестно.

⁴ Вл. Гиппиус отказался прислать в ответ свой только что вышедший сборник стихов «Песни» (СПб, 1897; дозволена цензурою 13 июля 1896), далее он объясняет причины, по которым вообще отказался от рассылки книги. На экземпляре сборника «Песни», подаренном Сологубу, Вл. Гиппиус сделал надпись: «не для продажи, без права рецензии» (экземпляр хранится в библиотеке ИРЛИ РАН). Вероятно, Брюсов видел эту надпись во время визита к Сологубу.

⁵ Оценка Вл. Гиппиусом собственного творчества постоянно колебалась. Одним из примеров может служить публикуемое далее стихотворение «Ильмаринен», посвященное Брюсову. (См. с. 61–62 наст. изд.).

Чердак и подвал в данном контексте служат метафорой непризнанного таланта, а имена наиболее известных издателей А. С. Суворина (1834–1912) и М. О. Вольфа (1825–1883) противопоставляются как пример книг, хоть и изданных в подобных общераспространенных издательских фирмах, но также пылящихся на их чердаках.

⁶ Увлечение Брюсова немецким поэтом Францем Эверсом (1871–1947) началось в 1894, в ноябре этого года он писал В. К. Станюковичу: «В Германии появился удивительный поэт Франц Эверс. Человек еще очень молодой – 23 лет, – появившись в печати впервые в 1891 году, он уже написал книг 10! Все эти книги (некоторые до 300 страниц in quadro <издательский формат в четверть листа – Е. И.>) полны шедеврами. Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше и Шиллера, и Гете, и Ленау, его драма, если и ниже Шекспира, то выше Альфиери и Шиллера. А его книга псалмов («Die Psalmen»), современных псалмов! Предвещаний пророка и пророчеств поэта! Нет места говорить о нем, но особенно восхищен я его любовной лирикой (книга «Ева»). Нам удалось с ним вступить в переписку» (Письмо Брюсова приводит В. К. Станюкович в воспоминаниях: *Станюкович В. К. Воспоминания о Брюсове* / Публ. Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова // *Литературное наследство*. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 732–733; в письме упоминается также А. А. Ланг-Миропольский, разделявший увлечение Брюсова спиритизмом, которым увлекался и Франц Эверс). В письме к П. П. Перцову 1 апреля 1895 Брюсов писал: «Знаете ли Вы, например, Франца Эверса? Конечно, нет! А между тем этот поэт должен иметь для литературы такое же значение, как его великие соотечественники – Гете и Шиллер. В 23 года он уже написал десяток замечательных книг, написал Королевские песни (Königslieder), которые далеко превосходят все, что создал Гейне, написал дивную трагедию Мессия, написал Псалмы, воскрешая эту древнюю форму для современного содержания, написал философские трактаты, является в одно и то же время и спиритом, и анархистом, и проповедником новой религии» (Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. С. 17). Брюсов некоторое время переводил Эверса (о переводах см.: *Ильинский А. Литературное наследие Брюсова // Литературное наследство*. Т. 27–28. Л., 1937. С. 491 Перевод стихотворения Ф. Эверса «Я дышу твоей душой...» был опубликован в газете «Южное обозрение» в 1899 (21 мая. № 815. С. 2). Но уже в июне 1895 Брюсов писал Перцову: «Даже мои недавние кумиры, вроде Эверса, разве они не повторяют с незначительными вариациями старые, старые темы» (Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. С. 27). В воспоминаниях Перцов иронизировал над этим увлечением Брюсова: «Когда посетишь, бывало, Валерия Яковлевича <...> непременно услышишь от него кучу всевозможных литературных новостей <...>. Его страстью было открывать необыкновенных литературных гениев, которые уже в ранней юности затмевали Шекспира и Гете (ср., например, <...> сообщение о каком-то Франце Эверсе <...>)...» (См.: *Перцов П. П. Литературные воспоминания, 1890–1902 гг.*

С. 193). Однако какие-то контакты с Эверсом у Брюсова сохранялись, его имя было обозначено в редакционной заметке, открывавшей первый номер журнала «Весы» за 1904, в списке иностранных участников журнала (Весы. Ежемесячник литературы и искусства. 1904–1909: В 4 т. Т. 1. Кн. 1. 1904 год / Сост. Т. В. Игошева, Г. В. Петрова. М., 2021. С. 13).

⁷Сведения о реферате Вл. Гиппиуса о Франце Эверсе не сохранились.

4

Брюсов – Вл. Гиппиусу¹
20 января 1897

М<осква>. 20 я<нваря> <18>97.

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

В своем письме Вы поставили одно из наиболее горьких «зачем» – Не сумею ответить на него, но в частном случае, по отношению к Me eum <esse>, скажу Вам «почему». Я издал свою книгу, чтобы в глазах моих читателей – и разумных и неразумных – не оставаться автором Chefs d'œuvre.² Это – все. Теперь, как поэт, смолкаю и, думаю, очень надолго.³

Что до Эверса,⁴ то боюсь, что мои сведения будут и запоздавшими для Вас, и слишком неполными. Мне известны след<ующие> его книги.

1) Fundamente. Род программы, где в зачаточном виде заключаются все будущие книги Э<верса>.

2) Eva. Поэзия греховной любви.

3) Königslieder. Поэзия чистой любви (надо читать 2-е, пополненное, изд<ание>).

4) Sprüche aus der Höhe. Философия Э<верса>.

5) Die Psalmen. 100 новых псалмов.

6) Messia. Трагедия. (Каж<ется>, не выпущ<ена> «в свет»).

7) Deutsche Lieder. Альманах из собственных стихотворений.⁵

Биографические сведения об Э<версе> у меня были, но доставить Вам могу их только к марту. О поэзии Э<верса> знаю одно сочинение «Der Kampf um die Persönlichkeit» С. Kuchemmeister. L, 94.⁶ Там же интересн<ые> заметки вообще о новой немецкой литерату-

ре. Я лично могу указать еще на поэтессу Марию Яничек,⁷ которой посвящены Königslieder: –

Maria, du Gebenedeite,
Du makellose Königin!⁸

Советовал бы, однако, читать ее новеллы, а не стихи.⁹

Уважающий Вас
Валерий Брюсов.

¹ Впервые опубл. с отдельными неточностями: *Литвин Э. С.* 126–127. Ответ на п. 3.

² Речь идет о первом авторском сборнике стихов Брюсова «Chefs d’oeuvre» («Шедевры»): 1-е издание: «Chefs d’oeuvre: Сборник стихотворений: Осень 1894–весна 1895» (М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895), 2-е издание, с изменениями и дополнениями – М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. В письме к В. К. Станюковичу Брюсов описывал реакцию на его появление: «Вышли мои “шедевры”. Эффект их появления был весьма значительным. Против меня восстали все, даже и те, которые убедительно торопили меня напечатать эту мою книжку. Бесконечно возмутило всех предисловие. Сознаюсь, я там пересоллил немного, но ведь надо стать в положение человека, которого полтора года безустально ругали во всех журналах» (*Станюкович В. К.* Воспоминания о Брюсове. С. 737). Предисловие к первому изданию «Chefs d’oeuvre» открывалось словами: «Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству». Эта же цитата была помещена на титуле и суперобложке второго издания в качестве эпиграфа. Позднее в автобиографии Брюсов вспоминал, что появление сборника с таким вызывающим заглавием только упрочило его скандальную репутацию: «Критики, однако, прочли только одно заглавие книжки, т. е. запомнили только одно это заглавие, и шум около моего имени учетверился. Я был всенародно предан “отлучению от литературы”, и все журналы оказались для меня закрытыми на много лет, приблизительно на целый “люстр” (5 лет)» (*Брюсов В.* Автобиография // *Русская литература XX века. 1890–1910.* Под ред. проф. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 117).

³ Отдавая сборник стихов «Me eum esse» в печать Брюсов всерьез подумывал о том, чтобы оставить литературное поприще, 26 ноября 1896 он записал в дневнике: «Ныне, за несколько дней перед появлением в свет последней книги моих стихов, я торжественно и серьезно даю слово на два года отказаться от литературной деятельности. Мне хотелось бы ничего не писать за это время, а из книг оставить себе только три – Библию, Гомера и Шекспира. Но пусть даже это невозможно, я постараюсь приблизиться к этому идеалу. Я буду читать лишь великое, писать лишь в те минуты, когда у меня будет, что сказать всему миру. Я говорю мое прости шумной жизни журнального бойца и громким притязаниям поэта-символиста» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 41). Но уже 11 декабря 1896 записано: «Кажется, я возвращаюсь в жизнь. Причин моего “удаления” было много; и внутреннее – измучен борьбой, реакцией после “Me eum esse”, новые идеи, – и внешние – разезд всех друзей, неожиданно много денег...» (Там же. С. 42). Вл. Гиппиус был единственный, кто сочувственно встретил сборник «Me eum esse». См. п. 3.

⁴ Об отношении Брюсова к Фр. Эверсу см. примеч. 6 к п. 3.

⁵ Брюсов перечисляет сборники стихов Эверса: «Fundamente. Gedichte» («Устои») (Leipzig, 1893, с иллюстрациями Фидуца), «Eva, eine Überwindung» («Ева, преодоление») (Leipzig, 1893), «Königslieder» («Королевские песни») (Leipzig, 1894), «Sprüche aus der Höhe» («Нагорная проповедь») (Leipzig, 1893), «Die Psalmen» («Псалмы») (Leipzig, 1894), «Deutsche Lieder» («Немецкие песни») (Berlin, 1895). О трагедии «Messia» («Мессия») информации не обнаружено.

⁶ Речь идет о книге: *Кухеммейстер, Карл фон*. Борьба за личность (Лейпциг, 1894). В доступных нам библиотеках книга отсутствует.

⁷ Яничек Мария (1860–1927) – немецкая писательница австрийского происхождения.

⁸ Мария, Ты благословенная / Безупречная королева (*нем.*)

⁹ К 1897 был издан ряд новелл, сборников и романов М. Яничек: «Atlas Novelle» (Berlin, 1893), «Pfadsucher vier Novellen» (Berlin, 1894), «Lilienzauber» (Leipzig, 1895), «Vom Weibe: Charakterzeichnungen» (Berlin, 1896), «Ninive roman» (Leipzig, 1896), «Die Amazonenschlacht» (Leipzig, 1897), «Kreuzfahrer» (Leipzig, 1897).

5

Брюсов – Вл. Гиппиусу¹

17 мая 1897

17 м<ая> <18>97

Мне очень жаль, Владимир Васильевич, что я не исполнил своего обещания, не прислал Вам биографии Эверса.² Если Вы им еще интересуетесь, это – в будущем. Пока «до свиданья» – прощание и аллегория. Уезжаю из России³(может, надолго, может, нет) и все более теряю надежду вернуться к стихам. Верю в Вас и в Добролюбова, в которого Вы не верите. Убежден, конечно, что Вы оба идете вперед, неизменно вперед, к поэзии души. Пути разные, и нет цели, но небо – единое всем. С интересом читаю стихи Сологуба.⁴

Душою Ваш
Валерий Брюсов.

Aix – la – Chapelle. P<oste> Res<tante>.
(Prusse rhénane).⁵

¹ Впервые опубли.: *Литвин Э. С.* 128. На листе с изображением Пантеона.

² См. п. 4, примеч. 6.

³ Летом 1897 Брюсов совершил путешествие по Германии, о котором вспоминал: «Я побывал в Берлине, в Кёльне, в Аахене, в Бонне и еще нескольких прирейнских

городах. В Берлине я впервые увидел подлинные полотна Боттичелли (петербургское “Поклонение Волхвов” я еще не умел оценить). Уже так много я об них слышал, что мне казалось, что и меня они встретили, как давнего знакомого. <...> Кёльн и Аахен ослепили меня яркой, золоченой пышностью своих средневековых храмов. Впервые “Сквозь магический кристалл” предстали мне образы “Огненного ангела”» (*Брюсов В.* Детские и юношеские воспоминания // Новый мир. 1926. № 12. С. 118–119).

⁴ Вероятно, имеется в виду издание: *Сологуб Ф.* Стихи. Книга первая. СПб.: Тип. Морского министерства, 1896.

⁵ Аахен. До востребования. (Рейнская Пруссия) (*франц.*)

1898

6

Брюсов – Вл. Гиппиусу
Конец ноября 1898¹

Москва, Цветной б<бульвар> 24.

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Посылаю Вам статейку о Тютчеве.² – Его Вы, конечно, любите, и без скуки прочтете мои мелочные замечания. – Печатаю книжку о<б> искусстве.³ – Не можете ли сообщить мне адреса Ф. Сологуба-Тетерникова и Я. Эрлиха⁴ (послал бы им книжку о искусстве)?

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. А Ваш адрес узнал от А. Добролюбова.⁵

¹ Публикуется впервые. Датируется по содержанию, см. примеч. 2 и 3 к наст. п.

² Речь идет о статье Брюсова «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» (Русский архив. 1898. № 11. С. 249–260), о которой 6 октября он писал в дневнике «В “Русском архиве” <...> появилась статейка “Варианты. Тютчева”. Тому назад три года это было бы для меня большой радостью. В те дни я говорил о гордости своей, но вовсе не был горд и очень желал похвал современников» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 66).

³ Имеется в виду издание: *Брюсов Валерий.* О искусстве. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. В дневниковой записи Брюсов указывал на дату 20 ноября – как дату завершения печатанья книги «О искусстве» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 68). Книжка вышла 24–30 ноября.

⁴ Эрлих Яков (Яков-Вольф) Исаакович (1874–1902), рано умерший философ-идеалист, музыкальный критик, друг и соученик Добролюбова и Вл. Гиппиуса по 6-й

Санкт-Петербургской гимназии, сводный брат Осипа Дымова (И. И. Перельмана). 6 декабря 1898 Брюсов приехал в Петербург, а 10 декабря сделал запись в дневнике: «Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих. Эрлих студент, хотя голова его лысеет, говорит о своей системе метафизики, где примирится Спиноза и Лейбниц, но говорит скромно. С ним мы сошлись на любви к Добролюбову. О моей книге <речь идет о книге «О искусстве» – Е. И.> разговоров почти не было» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 70). Известна надпись Брюсова на книге «О искусстве», подаренной Эрлиху: «Якову Исаковичу Эрлиху. Прошу принять на память о случайной, но для меня желанной встрече. Валерий Брюсов. 1898. Петербург» (книга хранится в собрании В. Э. Молодякова). См. также: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. С. 458–459, 539, 809.

В декабре 1898 в Петербурге Брюсов неоднократно встречался и с Сологубом (см. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 69–73). В библиотеке Сологуба значилась книга Брюсова «О искусстве» с дарственной надписью: «Федору Сологубу, стихи которого я так люблю перечитывать. Валерий Брюсов. 1898 г.» (*Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 440).

⁵ Добролюбов навестил Брюсова в июле 1898 в образе странствующего проповедника. 28 июля Брюсов записал в дневнике: «Он был в крестьянском платье, в сермяге, красной рубахе, в больших сапогах, с котомкой за плечами, с дубинкой в руках. Лицом он изменился очень. <...> Когда-то он был, как из иного мира, неумелый, безмерно самоуверенный, потому что безмерно застенчивый... Теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 56). Разговоры с «новым» Добролюбовым в дневнике Брюсова описаны очень подробно.

1900

7

Вл. Гиппиус – Брюсову
26 марта 1900¹

26 м<арта> 1900 г<од>.
СПб, Фонтанка 116 кв. 54.

Валерий Яковлевич!

Очень прошу Вас не отказать мне в просьбе: сообщить последние известия об Ал<ексandre> Мих<айловиче> Добролюбове,² которые Вы – я слышал от Ореуса³ – имеете. Буду Вам глубоко признателен.

С уважением
Владимир Гиппиус.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 322–323. Почтовый штемпель на конверте: 27 марта 1900.

² Добролюбов-странник неоднократно навещал Брюсова, см. примеч. 5 к п. 6 и копию письма Добролюбова к Брюсову (п. 8).

³ Ореус (Коневской Иван Иванович) (1877–1901) – поэт. Об отношениях Ив. Коневского и Вл. Гиппиуса см. с. 18–19 наст. изд.

8

Брюсов – Вл. Гиппиусу
1 апреля 1900¹

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Очень извиняюсь, что отвечаю так поздно. Письмо Ал<ександра> Добролюбова² я для Вас переписываю с пропуском нескольких слов, именно тех, где он указывает свое местопребывания, ибо не решаюсь нарушить его желание. Письмо это, как видите, «деловое», но все же ясно, что сам Добролюбов не желал его распространения.

Уважающий Вас
Валерий Брюсов.

P. S. Все поручения письма я исполнил,³ кроме одного: не нашел в Москве перевода «Διδαχή» – Учения двенадцати.⁴ Если знаете, где найти, пожалуйста, известите.

В<алерий> Б<рюсов>.

<Оригинал письма А. М. Добролюбова, скопированного Брюсовым для Вл. Гиппиуса⁵>

9 марта 1900 года

Брат Валерий!

Во имя блага народного вышлите в Оренбургскую губернию Верхнеуральский уезд Кизилская почтовая станция Варшавска станция поселок Кацбахский казаку Петру Орлову⁶ для меня граждан-

скую Библию,⁷ сборник писаний древних христианских апологетов,⁸ собрание сочинений «мужей апостольских»⁹ (оба издания Тузова, в каталоге его¹⁰ точные заглавья найдете), «Учение двенадцати апостолов», кажется К. Попова¹¹ или иное – только б был перевод рукописи.

Чтоб совершилось благословенье ваше шлите скорей святую милостыню, уж не мне, для засева двух десятин мер 12 Петру Орлову, очень бедному, верному мне, сильно жаждущему. Буду тут недолго, не спрашивайте, не пишите о мире вашем, все совершится благословеньем Вышнего. Не сообщайте никому, что я жил в Кацбахе, чтоб случайно через друзей не дошло до родных: я везде в опасности сумасшедшего дома.¹² Ваш будущий брат Александр Добролюбов.

Пр<иписка>. Вышлите еще непременно Орлову дешевые издания «Посредника» – «Жизнь древних христиан», Франциск Ассизский, Иван Гус (несколько книг каждой).¹³

Не пишите мое имя в адресе, просто Орлову.

¹ Впервые: в составе комментария к письму Вл. Гиппиуса (*Рыкунина Ю. А. С. 322–323*). Датируется по почтовому штемпелю: Петербург 1 апреля 1900.

² О письме Добролюбова упомянуто в дневниковой записи Брюсова от 11 марта 1900: «Получил письмо от А. Добролюбова; он в Оренбургской губ<ернии> (Верхнеуральский уезд, Кизильская почт. ст., Варшавская станица, Кацбахский поселок, у П. Орлова), просит ему книг, просит денег для Орлова» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 100*).

³ Речь идет о «поручениях», которые просил выполнить Добролюбов, см. оригинал и копию его письма к Брюсову.

⁴ Дидахе – учение (от др.-греч. Διδαχή). См. примеч. 11 к наст. п.

⁵ РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 16, л. 27. Копию письма Добролюбова, отправленного Вл. Гиппиусу см.: *Рыкунина Ю. А. С. 323*. Вл. Гиппиус никак не откликнулся на эту присылку. Во второй половине апреля 1900 Брюсов спрашивал И. Коневского: «...получил ли В. Гиппиус мой ответ на вопрос о письме Добролюбова? Я ответил давно» (Переписка И. И. Ореуса и В. Я. Брюсова // *Коневской И. (Ореус). Мечты и думы. Стихотворения и проза. Томск, 2000. С. 368*).

⁶ Петр Орлов – казак, один из последователей Добролюбова, которого он вместе с казаком Неклюдовым склонил к отказу от военной повинности, за что все трое судились в июле 1901 в г. Троицке. Приводим информацию о процессе:

«25 июля в сессии казакского военного суда в г. Троицке, оренб<ургской> губ<ернии>, рассматривалось интересное дело о дворянине Добролюбове и казаках Неклюдове и Орлове, обвиняемых в нарушении правил военной дисциплины.

Добролюбов, бывший студент с.-петербургского университета по филологическому факультету, молодой человек, лет 25.

На вопрос председателя суда: «Ваше звание?»

Добролюбов ответил: «крестьянин, а ранее был дворянин».

Добролюбов, как он заявил на суде, в университете прошел уже 3 курса, когда решил, что необходимо идти в народ для проповеди о «мире».

Встретился с казаками Неклюдовым и Орловым случайно, идя из Верхотурья.

Эти люди пригласили его к себе в кваркенский поселок варшавской станции верхотурского уезда, где он и находился у них в рабочих.

В разговорах с Неклюдовым и Орловым он, Добролюбов, убедил первых, что “воевать грех, а также носить оружие”.

“По писанию Божьему следует всем жить в согласии, дружбе”. И вот когда Неклюдов и Орлов были вызваны на сборный пункт, то они явились туда без оружия, заявив, что “они считают грехом носить меч”.

Из-за этого возникло дело.

В заключительном слове Добролюбов просил суд “освободить от наказания его братьев – Неклюдова и Орлова”, ибо они в данном случае нисколько не виноваты, а виновен он, Добролюбов.

Он их убедил, что “носить меч – грех”.

“Кроме того, Неклюдов и Орлов – люди семейные. Ради их семей не следует их наказывать, а только меня”.

Суд <...> вынес резолюцию:

Неклюдова и Орлова сослать в арестантские роты на 2 ½ г., а Добролюбова заключить в тюрьму на 8 месяцев» (Курьер. 1901. 16 августа. С. 3, раздел «Внутренние известия»).

⁷ Гражданской Библией называлось издание Библии на церковно-славянском языке, исполненное гражданским шрифтом, введенным Петром I в 1708 для печати светских изданий.

⁸ Имеется в виду: Сочинения древних христианских апологетов в русском переводе со введениями и примечаниями протоиерея П. Преображенского. СПб.: Издание второе, книгопродавца И. Л. Тузова, 1895.

⁹ Речь идет об издании: Писания Мужей Апостольских в русском переводе, с введениями и примечаниями к ним протоиерея П. Преображенского. СПб.: Издание второе, книгопродавца И. Л. Тузова, 1895.

¹⁰ Упоминается: Каталог духовных и других книг магазина И. Л. Тузова на 1900 (СПб., 1900).

¹¹ Речь идет об издании: Учение двенадцати апостолов. Недавно открытое сочинение времен апостолов. Перевод с греческого К. Д. Попова. М.: Типография Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, 1898.

¹² Добролюбов не случайно скрывал от родных свое местопребывание. Летом 1899 он был в Петербурге, и мать пыталась удержать его от возобновления странствий. Она признавалась Брюсову: «Я сделала большой промах. Вы ведь слышали, я поместила его в лечебницу умалишенных, в Преображенскую... Он был там совершенно отдельно... никого из больных не видел, только доктора... Но я сознаюсь, это был промах. Мои дети восстали на меня; дочь заявила, что тогда пойдет в монастырь... Он был там всего десять дней... Если будете ему писать, непременно скажите, что я сознаю ошибку» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 104).

¹³ Речь идет о книгоиздательстве «Посредник», основанном в 1884 в Петербурге по инициативе Л. Н. Толстого. Об издательстве см.: Лебедев В. К. Книгоиздательство «Посредник» и цензура // Русская литература. 1968. N 2. С. 163–170).

Упоминаются издания: Жизнь древних христиан. М.: Издательство «Посредник» (№ 78), 1891 (1-е изд., многократно переиздавалось); Франциск Ассизский. Рассказано Е. Свешниковой. М.: «Посредник», 1886 (1-е изд., многократно переиздавалось); Иван Гус. Рассказ А. Эрлейвейна. Из «Ясной Поляны» Л. Н. Толстого. М.: «Посредник», 1886 (1 изд., многократно переиздавалось).

9

Брюсов – Вл. Гиппиусу
Октябрь-ноябрь 1900¹

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Я до сих пор не доставил Вам своей книги стихов,² потому что надеялся передать вам ее лично. Но те три дня, которые я провел в Петербурге,³ чувствовал я себя стеклышком в калейдоскопе, только отражающим и отражающимся, да безвольно перекатывающимся из стороны в сторону. Не посетуйте же на меня, что я посылаю свою книгу столь поздно и все же из Москвы.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Впервые опубли. с ошибкой в датировке: *Литвин Э.* С. 129. Датируется по содержанию. См. примеч. 2 и 3 к наст. п.

² Имеется в виду сборник Брюсова: *Tertia Vigilia*. Книга новых стихов. 1897–1900. М.: Скорпион, 1900; дата выхода – 16–23 октября 1900.

³ О пребывании Брюсова в Петербурге в октябре 1900 см. дневниковую запись «Поездка в Петербург» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 112–116).

10

Брюсов – Вл. Гиппиусу
4 декабря 1900¹

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Скорпион² – вероятно, Вам не безызвестный – издает в 1901 г <оду> альманах.³ Приняли в нем участие (т. е. уже доставили рукописи) З. Н. Гиппиус,⁴ К. Д. Бальмонт,⁵ М. Лохвицкая,⁶ К. Фофанов,⁷ Ю. Балтрушайтис,⁸ Ореус,⁹ я.¹⁰ Обещали участие: М. Горький, Ив. Бунин,¹¹ Чириков,¹² Ф. Сологуб,¹³ Н. Минский.¹⁴ Будут еще помещены неизданные произведения А. Фета,¹⁵ К. Павловой,¹⁶ Вл. Соловьева...¹⁷ Не найдете ли Вы желанным для себя участвовать в этом сборнике?¹⁸ Условия – обычные, журнальные.

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. В свое время я послал Вам свою книгу стихов.¹⁹ Надеюсь, она достигла до Вас.

¹ Впервые. опубли.: *Литвин Э. С.* 129–130. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Москва, 4 декабря 1900.

² Об основании книгоиздательства «Скорпион» и своем участии в нем Брюсов вспоминал: «Около 1899 года в Москве организовалось книгоиздательство “Скорпион”. Его основателем <...> был С. А. Поляков, в те дни молодой человек (немного моложе меня), едва окончивший университет (по математическому факультету), очень образованный, знающий много языков, европейских и азиатских, широко начитанный и большой поклонник “новой поэзии”. Меня с Поляковым сблизил Бальмонт. Четвертым постоянным участником “Скорпиона” был Ю. Балтрушайтис, талантливый поэт, личный друг Полякова. С самого основания книгоиздательства “Скорпион” я принял в нем самое деятельное участие, сначала чисто дружеское, позже официальное, с определенным кругом обязанностей и определенным за них вознаграждением» (*Брюсов В.* Автобиография. С. 119).

³ Речь идет об альманахе «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством “Скорпион”» (М., 1901), Брюсов был одним из основных составителей первого выпуска альманаха.

⁴ О получении материалов для альманаха «Северные цветы» от З. Н. Гиппиус Брюсов вспоминал: «Когда остались мы одни, Сергей Александрович <Поляков – Е. И.> запросил Зинаиду Николаевну о рассказах. Она протянула: – А что альманах бла-а-творительный? – Нет. – И там го-но-ра-ры платят? – Да, и хорошие. – Слышишь, Дмитрий <Мережковский – И. Е.>, там гонорары платят. Зиночка дала две вещи: „Святую Кровь” и „Слишком ранние”» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 116). В 1-й выпуск альманаха вошел рассказ З. Н. Гиппиус «Святая кровь» (С. 1–36).

⁵ В 1-й выпуск альманаха вошли стихотворения Бальмонта «Костры», «Тайна горбуна», «Четыре стихотворения» (I. Испанский цветок, II. Necessitas, III. Веласкес, IV. Играющий в игры любовные), «Гимн огню» (С. 79–89).

⁶ На страницах 1-го выпуска «Северных цветов» Лохвицкая была представлена 2 стихотворениями: «Завет дьявола» и «Песня о замерзшем окне» (С. 94–95).

⁷ О посещении Фофанова в Гатчине и получении от него стихов для альманаха Брюсов подробно писал в своем дневнике, в том числе замечая: «Проездом я потерял стихи Фофанова. Как могло это случиться, ума не приложу. Искал, ездил на станцию, осматривал вагон, – нет. Написал ему, и он прислал новый список». (См.: *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма С. 113–115, 116). В альманах вошли стихотворения Фофанова «Под музыку осеннего дождя» и «Грешница» (С. 76–77).

⁸ В 1-ом выпуске «Северных цветов» были опубликованы произведения Балтрушайтиса: рассказ «Капли» (С. 55–65), отрывки из поэмы «У предела» (С. 119–126).

⁹ Ореус (И. И. Коневской) на страницах альманаха был представлен циклами «Осенние голоса», «Порывы», «Старшие богатыри», отдельными стихотворениями «Затишье», «В езде» (С. 109–117) и статьей «Об отпевании новой русской поэзии (общие суждения З. Гиппиус в №№ 17–18 Мира искусства 1900 г.)» (С. 180–188).

¹⁰ Брюсов опубликовал в 1-ом выпуске «Северных цветов» цикл «Осенние стихи» и «Отрывки из поэмы» (С. 127–137), а также статью «Истины (Начала и намеки)» (С. 189–196).

¹¹ Брюсов вспоминал: «Альманах, замысленный „Скорпионом“, прельстил почему-то Бунин и у него началась погоня за литераторами, стали мы „альманашниками“. Бунин писал Максиму Горькому. Тот отвечал: „Альманах? – могу!“» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 108*). В 1-ом выпуске альманаха был опубликован рассказ Бунина «Поздней ночью» (С. 42–45), М. Горький в 1-ом альманахе участия не принял.

¹² Произведения Е. Н. Чирикова на страницах 1-го выпуска альманаха «Северные цветы» представлены не были.

¹³ В 1-ом выпуске альманаха был опубликован цикл Сологуба «Семь стихотворений» (С. 90–93).

¹⁴ Минский в 1-ом альманахе «Северные цветы» участия не принял.

¹⁵ О приобретении материалов для альманаха Брюсов писал: «Покупали у Черногубова разные бумаги. Но он дорожится. За стихи Фета просит р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 108*). В альманахе было опубликовано 2 стихотворения Фета «Твоей приветливой щедротой...» и «Рододендрон» (С. 69–70), три письма к «молодому поэту» (С. 144–145).

¹⁶ В 1-й выпуск альманаха вошло стихотворение Павловой «Думы» (С. 71–74).

¹⁷ В альманахе «Северные цветы» были опубликованы письма Соловьева к Фету (С. 146–159)

¹⁸ Вл. Гиппиус принял участие в альманахе, где был опубликован его цикл «Пять стихотворений» (I. «Проходят дни и сны земные...», II. «В степях небесных отдаленных...», III. «Все пройдет, что плотью было...», IV. «Ты слышишь, как в реке холодной...», V. «нет отреченья в отреченье...») и стихотворение «Я твоя всем нетронутым телом...» (С. 96–100). См. также п. 11.

¹⁹ См. п. 9, примеч. 2.

1901

11

Вл. Гиппиус – Брюсову
5 января 1901¹

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень прошу Вас простить меня за молчание столь долгое – в ответ на присылку Вашей книжки² и приглашение участвовать в сборнике:³ молчанье не было ответом, поверьте, были обстоятельства, не дававшие мне возможности – тотчас же сердечно Вас поблагодарить и за память, и за сборник, и за приглашенье. Если только время позволит мне, я откликнусь на *Tertia Vigilia* в Мире Искусства:⁴ это, конечно, Ваша лучшая книжка, хотя, кажется, излишне наполненная.

Приглашение участвовать в сборнике более меня тронуло, чем побудило к действию. Впрочем, не входя в рассуждения и оправдания, мало любопытные, скажу прямо – готов служить своими стихами (их же и прилагаю), если только сборник не будет иметь ни в каком отношении никакого направления, кроме хорошего литературного тона. Затем – продаю и даже назначаю цену: не менее полтины за стих; наконец, прошу сохранить, как порядок, и число стихотворений, их же немного, и порядок имеет кое-какой смысл. Подпись, как поставил: полное имя и начальные буквы фамилии Г и ь.⁵

Известите о недоразумениях, в случае чего спасите от положения, мне неприятного. Вас прошу, на Вас полагаюсь. Жду вашего ответа.

Преданный Вам Вл<адимир> Гиппиус.

5 января 1901 г<ода>.

¹ Впервые опубликовано: Рыкунина Ю. А. С. 323–324.

² Имеется в виду сборник Брюсова «Tertia Vigilia». См. п. 9, примеч. 2.

³ Имеется в виду приглашение участвовать в 1-ом выпуске альманаха «Северные цветы». См. п. 10, примеч. 3, 18.

⁴ Рецензия написана не была.

⁵ Стихи в альманахе «Северные цветы» были напечатаны за подписью «Владимир Г.....ь».

12

Вл. Гиппиус – Брюсову
12 февраля 1901¹

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я уже отчаялся в ответе, когда, наконец, получил его.² Значит – я в сборнике.³ Подписи изменить ни под каким видом *не могу*,⁴ да и не все ли равно? Что касается денег, то расчета Вашего не соображу, а мой был на 50 рублей с чем-то. Если Ваш верен и с моим совпадает, столько мне и получить.

Отчего же жметя Горький?⁵ И Чехова нет.⁶ А Минский, а Мережковский?⁷

Преданный вам Влад<имир> Гиппиус.

12 февр<аля> 1901.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 324–325.

² Ответное письмо Брюсова, о котором упоминает Вл. Гиппиус не разыскано.

³ Речь идет об альманахе «Северные цветы». См. п. 9 примеч. 3.

⁴ См. п. 10, примеч. 5.

⁵ Предложение об участии в альманахе Горькому Брюсов передал через Бунина (см. примеч. 11 к п. 10), но Горький в последний момент от участия отказался, подробнее см.: Литвин Э. Горький и Брюсов (К истории личных и литературных отношений) // Труды Ленинградского Библиотечного института им. Н. К. Крупской. 1957. Т. II. С. 79–81.

⁶ В альманахе «Северные цветы на 1901, собранные книгоиздательством “Скорпион”» был опубликован рассказ Чехова «Ночью» (С. 37–41).

⁷ В 1-ом выпуске альманаха ни Минский, ни Мережковский участия не приняли.

13

Вл. Гиппиус – Брюсову
<конец апреля–начало мая 1901>¹

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой, будьте милостивы. Дело в том, что издатели Сев<ерных> Цв<етов> должны мне за стихи, а я теперь нуждаюсь в деньгах. Не откажите им напомнить об этом от моего имени или сообщите имя и адрес, куда обратиться – именно теперь. Вы единственный человек, с которым я переписывался по поводу моих стихов в сборнике.² Сборник издан красиво, как все, что издает Скорпион, только что жиденек. Кое-кого существенно не хватает, кое-кого мало и пр. Главное, что не полно и как-то неубедительно. Напечатаньем своих стихов доволен, и Вас очень благодарю.

Вам преданный Влад<имир> Гиппиус.

1901

СПб, Фонтанка 116 кв. 54.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 324. Датируется по соотносению с перепиской Брюсова и Полякова о денежных расчетах с участниками альманаха «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством “Скорпион”». В конце апреля–начала мая 1901 Брюсов послал Полякову список авторов, которым был не выплачен гонорар, в числе которых упомянут «В. В. Гиппиус (СП, Фонтанка 116) 35 руб.». В том же письме Брюсов приложил заготовки типовых писем авторам, к которым прилагались причитающиеся им гонорары, одно из таких писем было адресовано Вл. Гиппиусу: «Многоуважаемый Владимир Васильевич! Прошу извинить за некоторое промедление. Пересылаю Вам по поручению Скорпиона причитающийся Вам гонорар. Надеюсь, что самый альманах получен

Вами уже давно. Ваш Валерий Брюсов». (Цит. по: Переписка <В. Брюсова> с С. А. Поляковым: 1899–1921 / Вступит. статья и коммент. Н. В. Котрелева. Публ. Н. В. Котрелева, Л. К. Кувановой и И. П. Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 34–35).

²См. п. 10, примеч. 18, п. 11, 12.

1902

14

Вл. Гиппиус – Брюсову
14 февраля 1902¹

14 февр<аля> 1902
Фонтанка 116 СПб

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пересылаю Вам четыре мои стихотворения² – все же с надеждой, что Вы их как-нибудь втиснете в Сев<верные> Цв<веты>³ и простите за просьбу: напечатать не в том порядке, как я их переписал, а так: 1ое, 4ое, 3ье, 2ое. Переписывать некогда. Простите. Жму вашу руку и желаю всего доброго.

Вам преданный Влад<имир> Гиппиус.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 325.

² Гиппиус послал Брюсову стихотворения: «Во мне все буйство сил кипит...», «Кто слышал в слабости смертельной...», «Над землею божьи взоры...» и «Только ты и откровенье...». Стихи сохранились в архиве Брюсова: РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 12).

³ Речь идет об альманахе «Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством “Скорпион”» (М., 1902). Стихи Вл. Гиппиуса в состав второго выпуска альманаха не вошли.

15

Вл. Гиппиус – Брюсову
17 марта 1902¹

17 марта 1902 г<ода>.
3-ья рота Изм<айловского> п<олка>, д. 2

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

С тех пор, как послал Вам четыре мои стихотворения для Сев<ерных> Цв<етов>,² ничего не знаю о судьбе их, между тем Вы говорили, что они едва ли войдут в сборник. Не известите ли меня, как и что, мне нужно бы, и я буду Вам признателен.

Вам преданный
Вл<адимир> Гиппиус.

Добролюбов по освидетельствовании в губернском правлении отправлен в лечебницу для душевнобольных д<окто>ра Бари³ (Петербург, Васильевск<ий> Остров).⁴

¹ Впервые опубли.: *Рыкунина Ю. А.* С. 325.

² См. п. 14 примеч. 2.

³ Родственники заключили Добролюбова в лечебницу для душевнобольных, чтобы избежать судебного преследования за «оскорбление святыни и величества». Брюсов навестил его там в декабре 1902, о чем записал в дневнике: «Ездили к Добролюбову. Он в сумасшедшем доме. Но уже и доктора согласны, что он здоров. Добролюбов рассказывал мне свою жизнь за последние года» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 145). Из лечебницы Добролюбов вышел в апреле 1903, о чем писал Брюсову: «Брат, я вышел на плотскую свободу и на днях выхожу из Петербурга. Как мы увидимся? Не прибудешь ли ты сюда, и тогда мы вместе доедем до Москвы? Или ты погодишь меня?». Брюсов в этот момент находился в Кёльне, письмо было скопировано Н. Я. Брюсовой и переслано ему туда, копию см.: РГБ, ф. 386, карт. 147, ед. хр. 7, л. 1.

⁴ Бари Адольф Эдуардович (1870–1937), психиатр, доктор медицины.

1911

16

Вл. Гиппиус – Брюсову
<первая половина 1911>¹

Вас<ильевский> остр<ов> 8 линия, д. 19 кв. 22.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Не найдете ли Вы² возможным напечатать несколько моих стихотворений в «Русской мысли»,³ под тем же именем Вл. Бестужева,

как были напечатаны мои стихотворения в 1909 г<оду> в Русской же мысли.⁴

Очень прошу Вас, если вы не согласитесь, прислать мне обратно.

Преданный Вам
Вл<адимир> Вас<ильевич> Гиппиус.

¹ Впервые опубли.: *Рыкунина Ю. А.* С. 328. Датируется по соотнесению с п. 17 и 18.

² Обращение Вл. Гиппиуса к Брюсову связано с тем, что в этот период именно Брюсов возглавляет литературно-художественный отдел журнала. Сам Брюсов писал: «С прекращением “Весов” я стал помещать свои произведения преимущественно в „Русской мысли“ и через год, с осени 1910 г., был приглашен редакцией журнала – заведовать литературно-критическим отделом. Эта моя деятельность в редакции “Русской мысли” длилась более двух лет, до конца 1912 года...» (*Брюсов В.* Автобиография. С. 122).

³ В архиве Брюсова сохранилось 3 стихотворения Вл. Гиппиуса с пометами «1911 год» и «Принято» (РГБ, ф. 386, карт. 56, ед. хр. 14, 3 лл.): «Бежит вода. Текут дела и дни...», «Предвечный сумрак – кровь бытия...», «Ты – сумрак трепетный в мерцанье полусвета...» (опубликованы в составе сборника «Ночь в звездах» (Пг., 1915. С. 59, 80, 81).

⁴ В журнале «Русская мысль» за 1909 (№ 4. С. 137–141) были опубликованы стихотворения Вл. Гиппиуса под псевдонимом Вл. Бестужев и общим заглавием «Из книги “На семи путях”»: I. Призывы («Над бездной только тень иль луч...»), «Спроси у солнца, спроси у моря...», «Я верю только в блеск дающих...», «Если сущность мира в самом мире...»; II. Сгоранье («Свет погаснул. Ты со мною...»), «В одиноком сгоранье, в блужданье путей безнадежных...», «В забыванье небесный свод над нами...», «Огонь пылающий, неуголяющий...». См. также п. 17.

17

Вл. Гиппиус – Брюсову
17 мая 1911¹

8 линия В<асильевского> о<строва>, 19.

Дорогой Валерий Яковлевич,

Я не отвечал Вам² до сих пор, потому что был очень занят. Я согласен, конечно, на печатанье только двух стихотворений,³ которые Вы выбрали, но если Вы не решительно против, то напечатайте еще одно, которое мне самому нравится больше других:

Предвечный сумрак – кровь бытия.⁴

Довольно равнодушен я к тому, когда будут напечатаны два или три стихотворения.

В выборе своих стихов для печати я очень затрудняюсь, так как мне приходится выбирать из множества, еще не напечатанных. И вот очень прошу Вас – напишите мне, как найдется свободное время: не согласитесь ли Вы поместить в одной или двух книжках журнала сразу целый ряд моих стихотворений, как это сделала два года тому назад в Русской же мысли с моими стихами З. Н. Мережковская⁵ (апрель 1909 г<ода>)⁶?

Может мне лучше адресовать на Моховую, Тенишевское училище.⁷

Искренно любящий вас
Вл<адимир> Гиппиус.

17 мая 1911 г<ода>

¹ Впервые опубли.: *Рыкунина Ю. А.* С. 325–326.

² Ответ на недошедшее до нас письмо Брюсова, вероятно, откликнувшегося на присылку Вл. Гиппиусом своих стихотворений, см. п. 16.

³ См. примеч. 3 к п. 16. В журнале «Русская мысль» было опубликовано одно стихотворение Вл. Гиппиуса «О, Боже, ты со мною говорил в ветрах...» за подписью Вл. Бестужев (Русская мысль. 1911. № 10. С. 194).

⁴ См. примеч. 3 к п. 16. В журнале «Русская мысль» стихотворение опубликовано не было.

⁵ Д. С. Мережковский был приглашен П. Б. Струве руководить беллетристическим отделом журнала «Русская мысль», с конца 1908 он возглавил литературно-критический отдел журнала, ближайшее участие в руководстве принимала и З. Н. Гиппиус.

⁶ См. примеч. 4 к п. 16.

⁷ С 1906 Вл. Гиппиус был преподавателем словесности в Тенишевском училище, располагавшемся по адресу: СПб, Моховая, 33–35. С. А. Венгеров писал: «Он – один из самых выдающихся петербургских преподавателей русской словесности, один из тех не забываемых учениками учителей, которых можно назвать Грановскими средней школы» (Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С. А. Венгерова. Кн. 1. М., 2000. С. 258).

18

Брюсов – Вл. Гиппиусу
25 мая 1911¹

25-ое мая, 1911 г<ода>

Дорогой Владимир Васильевич!

Я нахожу Ваше предложение очень удачным.² Мне самому будет гораздо приятнее поместить целый ряд Ваших стихотворений, чем те

два, которые я мог выбрать для «Русской мысли» из числа присланных Вами. Итак, я буду просить Вас прислать мне по возможности большее количество Ваших стихотворений, чтобы я мог выбрать из них 10–12. Вы понимаете, что при выборе мне приходится руководствоваться соображениями не только художественными, но и «редакционными», ибо у «Русской мысли» есть свои традиции и определенная аудитория. Поместить Ваши стихи я буду иметь возможность в начале будущего года, но зато предоставлю им несколько страниц.³

Мой адрес на лето прежний.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Впервые опубли.: *Литвин Э. С.* 130–131.

² См. п. 17.

³ Публикация не состоялась. Возможно, причиной стал уход Брюсова из «Русской мысли» в ноябре 1912. Весной 1912 П. Б. Струве задумал перевести редакцию журнала в Петербург, Брюсову было предложено стать московским представителем журнала и продолжать заниматься литературно-критическим отделом, но в таком варианте сотрудничество продлилось недолго. См.: Валерий Брюсов и Петр Струве. Переписка. 1906–1916 / Вступит. статья, составл., подгот. текста, коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2021. С. 506–507.

1912

19

Вл. Гиппиус – Брюсову
5 октября 1912¹

5 октября 1912 г<ода>

Дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю Вам немного поздно стихотворение, которое написал под непосредственным впечатлением Вашего «Зеркала теней»² – не знаю по существу ли мое возражение. Есть у меня к Вам вопрос и просьба. Я хотел бы напечатать в «Русской мысли» большое стихотворение (маленькая поэма) – в 330 стихов.³ Если помещение такого длинного стихотворения в принципе возможно, я пришлю – на Ваш

суд; если же нет, то я хотел бы *прочесть* Вам его лично, и тогда очень просил бы Вас написать мне, где я мог бы с Вами увидеться, если Вы согласны. Я слышал, что Вы будете бывать в Петербурге.

Душевно преданный Вам
Вл<адимир> Гиппиус.

Получили ли Вы книгу моих стихотворений,⁴ которую я Вам на днях послал? Я не знаю наверное Вашего адреса.

Мой: Саперный пер. 13 кв. 10

Ильмаринен
Валерию Брюсову

Не верю в мир как в ряд поставленных
Для разрешения задач,
Или – в затею сил неявленных
Играть зачем-то с нами в мяч;

Иль – как в глухие восхищения,
Как в пьянство невоздержных сил,
Где заждались самосожжения
Рои расплавленных светил;

Не верю в мир как в миг законченный
Отмеренного вещества, –
Но – как в стремительно-утонченный
Порыв живого божества:

Но упоенные усилия
Влюбленной воли мировой
Куют восторженные крылья
Над умирающей землей.

Шумят огни, стучат колеса,
Свистит расплавленная сталь.
Ты думаешь – твои вопросы,
Твоя безмерная печаль –

Упали в ночь, не зная места
На обессиленной земле?
Нет! как волшебная невеста
Она восходит в знойной мгле!

И для нее куются крылья,
Свистит безудержная сталь –
Все затаенные усилия
Вся призывающая даль!⁵

Вл. Бестужев, 1 апреля 1912.

¹ Впервые опубликовано: *Рыкунина Ю. А.* С. 326–328.

² Речь идет о книге: *Брюсов В.* Зеркало теней: Стихи 1909–1912 г. М.: Скорпион, 1912.

³ Публикация не состоялась. Возможно, речь идет о поэме Вл. Гиппиуса «Влюбленность» (опубликовано под псевдонимом Вл. Нелединский: «Альманах муз», Пг., 1916. С. 124–137).

⁴ Вероятно, Вл. Гиппиус послал Брюсову свой сборник: *Бестужев Вл.* Возвращение. Из книги «Завет». (1896–1906). Пб.: Цех поэтов, 1912. Книга с дарственной надписью сохранилась в архиве Брюсова: РГБ, ф. 386, книги, 1022.

⁵ Стихотворение – машинопись на 2 лл. приложена к письму. При жизни Брюсова стихотворение опубликовано не было. Впервые опубликовано: В. Э. Молодяковым (Волга. 1992. № 4. С. 113–114).

20

Вл. Гиппиус – Брюсову
22 ноября 1912¹

22 ноября 1912
Саперный пер. 13 кв. 10

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

может быть, вы найдете свободную минуту ответить мне – простите, что я так настойчиво обращаюсь к Вам. Мне не удалось увидеться с Вами в Петербурге² и объяснить, какая у меня к Вам просьба. После долгих лет я возвращаюсь к литературе и прошу вот о чем: согласи-

лись ли бы Вы печатать в Русской мысли мои стихи – не одно, не два, а возможно больше, потому что у меня накопилось много, и насколько раньше я не хотел печатать, настолько теперь хочу. Я обращался к Вам с этой же просьбой год тому назад,³ и Вы писали мне, что это возможно,⁴ но тогда я все еще колебался – возвращаться ли к литературе, и не прислал Вам. Возможно ли, напечатать много стихов сразу – в одной книжке журнала или понемногу? Возможно ли, напечатать одно большое стихотворение около 320 строк?⁵ И если нет, то – где возможно? на что Вы согласились бы?

Не получил от Вас ответа, не знаю, получили ли вы мою книжку⁶ и письмо со стихами.⁷

Душевно преданный Вам
Вл<адимир> Гиппиус.

¹ Впервые опубли.: Рыкунина Ю. А. С. 326–327.

² Брюсов приезжал в Петербург в августе 1912.

³ См. п. 17.

⁴ См. п. 18.

⁵ См. п. 19 примеч. 3.

⁶ См. примеч. 4 к п. 19.

⁷ Указанное письмо и стихи не обнаружены.

Приложение I

Из стихотворений Вл. Гиппиуса. Порывы и веяния. Из *Simphonia vitae* и из Осенних песен¹

Ворон («От затхлого трупы Поднялся бездомный тоскующий
ворон...») – Песни, с. 39.²

2.

Спи! Склонясь над твоею весенней постелью
Не дерзну оскорбить я твою светозарную келью,
Не коснусь я любовной рукой ни руки, ни лица дорогого,
Спи! Намеком больным не коснусь я
страдальческой раны «Былого».

Спи! Мне любо, когда ты светла и смеешься –
Звезды сумрачно блещут и вечер, увлажненный, чище,
На могилах темно и убого, таинственна ветхая плита,
Неподвижна седеющим мохом заветная надпись обвита.

Канет в черное небо звезда, я ее провожу полувздохом,
Не проступит забытая надпись, обвитая сумрачным мохом...
Не коснусь я любовной рукой ни руки, ни лица дорогого,
Спи! Намеком больным не коснусь я
страдальческой раны «Былого».

3. Из *Reverie mysterieus*'e³

I.

Лёля! Праздник! Одень свое белое платье...⁴ etc.

II.

Вновь пришли, обступили, надвинулись,
Тайным холодом ночи подвинулись...⁵

О, уйдите, оставьте, зачем вы пришли!
И зачем погребальные свечи зажгли!
Эти скорбные свечи, светлые, светлые
Ослепляют мне очи...
В груди накапливает...

Все мутнее, мутнее...
О, уйдите! зачем вы пришли?

Низкие волны плывут, набегают и холодом веют,
И холодом веют
И края не видно заплаканной черной земли
И умерли чайки и в воздухе сонном не реют...
Горе! Зачем в небесах погребальные свечи зажгли?!

Дышится смертью порывистой.
Волны поднялись, как тени...
Скользкие тени по скользким волнам пронеслись,
Волны обуглились.
Выше мгновенья мгновений.

III.

«Равнина мертвая, далекое пространство...» – нет

4. «Холодом призрак мечтательный...» – нет

1. «Лёля, праздник! Одень свое белое платье...»⁶

5. Из «Безумное»

«Эта ночь не забудется спо<?>» – нет

7. Из “Träumerei” («На влажных крыльях
детского безумья...»)⁷

8. 30 декабря «Греза моя, ненаглядная ягодка,
бедная Лёля...» – нет

9. Из «Еще, еще цветов» («И ты поверила?
Поверила в мой бред?»)»

10. «Ты боишься утра...»⁸

11. Эскиз («И брызнули крупные слезы...»)⁹

12. «Я боюсь твоей ласки...»

13. Из *** («Жутко мечталось... Слились наши
долгие взоры...»)

14. «Травы дышат влагой...»¹⁰

15. Из *** («Здравствуй! .... Ты слышишь ...

Зашептались... Ширятся волны зари. Ты стоишь и не дышишь...»)»

16. Из *** (Отойди от окна, / Тускло светит луна...)

¹ Рукой Брюсова, сразу после списка стихотворений Добролюбова – РГБ, ф. 386, карт. 10, ед. хр. 4, л. 25–28.

При сопоставлении с черновыми тетрадами, сохранившимися в архиве Вл. Гиппиуса в Рукописном отделе ИРЛИ РАН можно заключить, что в распоряжении Брюсова были какие-то другие черновые тетради, поскольку последовательность текстов и сами тексты не совпадают. Заглавия скопированных Брюсовым текстов соответствует заглавиям произведений Вл. Гиппиуса, помещенных в тетрадях: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 3. «Symphonia vitae» («Симфония жизни», *лат.*) – заглавие черновой тетради, «Порывы и веяния» – заглавие двух циклов, первый имеет номер II, а второй – V.

Скопированное здесь Брюсовым заглавие стихотворения «Ворон» в тетради «Symphonia vitae» отсутствует, оно опубликовано в сборнике «Песни» (СПб., 1897. С. 39). Нет здесь и стихотворения с заглавием «Осенние песни», возможно, Брюсов так ошибочно прочитал заглавие «Осенние тени». В части стихотворений Брюсов скопировал только заглавия или первую строчку, в тетради «Symphonia vitae» они отсутствуют, но в других редакциях вошли в сборник «Песни».

² Оpubл.: Песни. С. 39, с посвящением С. Е. Ручу.

³ Загадочная мечта (*франц.*)

⁴ Первое стихотворение цикла «Лёля» (опубл.: Песни. С. 13–14).

⁵ Второе стихотворение цикла «Лёля» (опубл.: Песни. С. 14–16).

⁶ См. примеч. 4.

⁷ Оpubл. в разделе «Песни о Лёле» с эпиграфом «Träumerei – Schumann» («Грезы – Шуман, *нем.*) (Песни. С. 11–12).

⁸ Оpubл. в разделе «Песни о Лёле»: Песни. С. 7.

⁹ Из раздела «Песни о Лёле» (опубл.: Песни. С. 9).

¹⁰ Оpubл. в разделе «Песни о Лёле» с датой: «Декабрь. 1893» (Песни. С. 8).

Приложение II
Владимир Гиппиус
Поэт или не поэт
Валерий Брюсов. Полное собрание
сочинений. Изд. Сирин. Т. 1.
Юношеские стихотворения и пр.
Тт. XIII, XIV. Алтарь победы¹

Начало нынешнего литературного года открылось спором о Брюсове, поднятом в заседании литературного общества.² Ф. Батюшков прочел доклад,³ направленный против Ю. Айхенвальда, отрицающего в Брюсове поэта;⁴ доклад вызвал прения.

Кто не знает, как легко мы объявляем гениями дарования очень скромные, и с какой легкостью потом отворачиваемся от недавних кумиров. Не ошиблись ли мы в Брюсове?

Поэт или не поэт? Не страшно ли на самом деле решать такой вопрос о большом и влиятельном писателе? Не возникает ли тем самым вопрос, что такое вообще поэзия? Не играем ли мы здесь словами? Не углубляясь сейчас ни в какую теорию, отвечу лишь, что как бы не определять поэзию, – она, во всяком случае, не есть стихия только словесная, и отнюдь не чисто идейная, но, прежде всего, есть особый способ индивидуального восприятия явлений и особый тип самоощущения.

На вопрос: поэт или не поэт – можно ответить, не вдаваясь ни в какие углубления, указанием на индивидуальность, – есть она или нет? Потому что, если она есть, то перед нами своеобразная человеческая душа, – разве не решается тем самым вопрос об особом восприятии окружающего и ощущения себя?

Своеобразная душа есть уже такая драгоценность, что мы можем сказать: довольно с нас и этого! А если бы она оказалась при этом душой, одаренной и особым даром смотреть на мир и внутрь себя, владея еще и властью слова, то мы должны сказать, что перед нами явление, как бы оно ни было слабо по своим силам, – чудесное.

Вопрос о своеобразной личности первее вопроса о поэтической психологии этой личности, потому что живая душа, смотрит ли она на мир или внутрь себя, смотрит в вечность, и сама есть нечто вечное и нужное всем нам.

В недавно вышедшем первом томе первого полного собрания сочинений Брюсова помещены его юношеские стихотворения (1892–97), те, которые когда-то высмеивали, а потом забыли и «простили», побежденные стихами позднейшими, несколько не смешными, похожие на всякие «обновленные» стихи. Сложилось общее мнение, что Брюсов бросил свои детские шалости, выходки, угомонился, остепенился и перешел к настоящим солидным стихам, дающим ему право на внимание серьезных читателей, может быть, уж, и на академический титул.

Кажется, и сам Брюсов, как это свойственно, впрочем, каждому художнику, снисходительно относится к своим молодым грехам, дорожа больше «эпохой зрелости». И все это так: поэт развивается, сегодня он пишет лучше, чем вчера; завтра, надо надеяться, напишет лучше, чем сегодня. Но в чем непосредственное, в чем прямее выразилась его душа? Откуда он пристальнее смотрит?

В том-то и дело, что всегда непосредственное живет она в юношеских вещах, из них пристальнее всего смотрит! И потому без знания их представление о поэте по большей части лишь приблизительно верно: Тургенев напрасно так стыдился своих стихов, Лев Толстой уже весь в «Детстве и Отрочестве», Лермонтов весь уже в его ранней лирике.

Заменяя вопрос, поэт или не поэт – вопросом гораздо более важным: личность или не личность, и что это за личность, я и нахожу в юношеских стихотворениях Брюсова ответ более убедительный, чем в позднейших, не потому, что первые совершеннее вторых, но потому, что сырее, свежее. Поздние «солидные» стихи Брюсова славятся строгостью стиля и точностью мысли. В ранних – не только нет этой строгости и точности, напротив, они хаотичны, иногда даже безобразны – следствие стилистической смелости и несдержанности. Как же это произошло, что писатель пришел от своеволия к классицизму? Просто отказался от грехов своей юности? Нет! И прежде, и теперь – перед нами та же душа, те же порывы. Вникнем в их смысл, – еще в юности, и мы пойдем, почему теперешний

Брюсов, не изменяя себе, так не похож на прежнего. Может быть, пойдем и то: поэт ли он?

Основной смысл брюсовского лиризма и прежде, и теперь – тот же; он вызван и весь обусловлен томленьями его темперамента: чувственного до угрюмости, – и самовлюбленного, и страдающего от той боли, которую не может не причинять чувственность – тем более, что она себя не отрицает, а утверждает. Но это утверждение чувственности сопровождается у Брюсова не только страданием (в чем не было бы ничего своеобразного) – и не самовлюбленностью только (тем Брюсов очень современен – и все же не своеобразен), но еще одной чертой, и в соединении ее с самовлюбленностью – все своеобразие лирической души Брюсова. А именно: рядом с самовлюбленностью, за всеми ее страстными томлениями шло холодное вялое скупающее, но точное, словно размеренное – *наблюдение* себя, своих страстей, и всего, что вокруг. Он призывал упоенья, восторги; и когда они приходили – он и отдавался им, и смотрел на них холодно со стороны. Чувственность и наблюдение, смотрение на себя со стороны, на жизнь – кинематографически!.. Могут ли они ужиться: страсть и холодность? Что победит?

Мы можем проследить через все, написанное за много лет Брюсовым, как чувственная стихия его постепенно замораживается:

Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны...

Как страстность превращается понемногу в кристаллы, как поэзия все правильнее стилизуется – к удовольствию равнодушных и серьезных читателей, – к ущербу лирической души!

Вот почему ранние стихотворения Брюсова несовершенны, часто до смешного, в стилистическом смысле – и раздраженны, несдержанны в их порывах; поздние – классичны, солидны и никогда уже не бывают смешны, но холодная стихия во всех отношениях овладела душой того, кто был поэтом, поскольку он был человеком страстей, и не был поэтом, поскольку он был «наблюдатель». И эта страстность и есть поэзия, сама по себе, – но потому, что в ней всегда бьют источники поэзии. И я думаю, что у Брюсова в его страстности били эти источники. Но рядом со страстностью шло «наблюдение» и охлаждало страсти, тем самым усыпляя поэзию. Брюсовский

«классицизм», стилизация его поздних стихов – это победа холодной стихии, которая сперва жила рядом со стихией страстей и самой поэзией, а потом овладела и страстями, и поэзией. Та же победа сказалась и в прозе. В «Огненном ангеле» чувственная стихия не сдается и переливает через край, несмотря на стилизацию – в «Алтаре победы», – холодная стихия, точная, скучная, «наблюдающая», стилизующая, овладела поэтом вполне. Но лирическая душа не так уступчива: и потому-то после сборника «Зеркало теней» – выражения охлажденных и утомленных чувств, Брюсов опять, в стихах самого последнего времени, обратился к мотивам чувственным. Кто же одолел? Не скажется ли теперь сама чувственность усталостью и бессилием? Если скажется, – это будет последняя победа того рокового холода, который с ранних лет томил душу и усыплял в ней поэзию вместе со страстями...

О не жалея, что *яркость побледнела!*
Когда-нибудь в печальной смене лет
Вернется все, и не погаснет свет...

Так утешал себя поэт двадцать лет тому назад («Заветный сон»). Вернулось ли? Не погасло ли? Погасло ли то, что им еще так угловато, но жарко высказывалась в «Предчувствии»:

Моя любовь – палящий полдень Явы...
. . . . .
Идем, я здесь! Мы будем наслаждаться!
Играть, блуждать в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

Ведь сгорая этим «огнем сладострастья», он уже тогда «наблюдал» его. «Наблюдение» обессиливало уже тогда:

Сладострастные тени на темной постели
оружили, легли, притаились, манят.
Наклоняются груди, сгибаются тени,
веет жгучий, тягучий, глухой аромат.
И без силы подняться, без воли прижаться
и вдавить свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп *наблюдаю* бесстыдные тени

В раздражающем блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцанье колен изваянья.....

И от «наблюденья» над страстью опять склонялся к страсти:

Я сожму твои бледные ноги,
Зацелую влюбленно колени...
раздражающем блеске курящихся свеч;

Но от страсти – снова к «наблюденью». Устами «одной из осужденных жриц» горько охлаждаемая душа поэта говорит самой себе:

...*Я наблюдаю* из кровати
Калейдоскоп людей, и лиц,
И поцелуев, и объятий.
Вся жизнь проходит как во сне,
В глухом тумане опьяенья,
И непонятно больше мне
Святое слово: наслажденье...

. . . . .
И если Бог пошлет мне сон
О недоступном и о счастье...
Мне про любовь не скажет он,
Мне не приснится сладострастье...

Это – поэзия, возникающая прямо на границе колебания души между двумя враждебными стихиями: их колебание вызывает «томление духа»; томление духа – поэзию. То, что это поэзия, а не только «психология», доказывается и тем, что поэт уже в эти ранние годы подходил к той границе, где поэзия переходит в пророчество:

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наше ступени.

Друзья! мы спустились до края!
Стоим над развернутой бездной –
Мы путники ночи беззвездной
Искатели смутного рая...

Возможность полярной, по отношению к чувственности, тяги – в таком предчувствующем колебания двух стихий – т. е. аскетическое отречение от страстей, должно было явиться неизбежно и, действительно, мы читаем в следующем году (1906) – такое отречение:

Как царство белого снега,
Моя душа *холодна*...

. . . . .
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва,
Звучат и клятвы и пени
Любви и победы слова...

. . . . .
А я всегда неизменно
Молюсь неземной красоте...

. . . . .
Отдавшись холодной мечте...

За «холодной мечтой» пришло поклонение красоте, ощущение которой трагически сливается с предчувствием смерти. Мы на границе поэзии и пророчества. Мы присутствуем при самом зарождении в чувственной душе современности развившегося в ее недрах эстетизма, встретившегося с культом смерти. Так совершает поэтическая мысль фатальный круг своего развития, сужденный человеческой мысли. Но душа поэтическая отличается от каждой обыкновенной остротой ощущения – даже до остроты сознания.

Холодная стихия, пробудившаяся в Брюсове слишком рано, едва возникли ощущения, вела его от страстей, от непосредственности, от поэзии – к наблюдению, к сознанию, к стилизации. Победила или не победила? Я верю, что нет! И как жутко думать о ее неизбежной и уже последней победе над душой человеческой...

Поэт или не поэт? Не все ли равно? Пусть не поэт! пусть умерла бы поэзия – только бы не победил души человеческой холод! Но потому-то так жутко думать об этой последней победе, что в душе, способной к поэзии, к поэтическому восприятию мира и себя самой, – смерть поэзии есть смерть самой души.

¹ Опубл.: Речь. 1913. 11 ноября. № 309. С. 3.

² Вероятно, речь идет о Санкт-Петербургском литературном обществе, которое было зарегистрировано в 1907 (См.: Устав Санкт-Петербургского литературного общества. СПб, 1907); заседания общества проходили по адресу: СПб, Фонтанка, 83.

³ Возможно, основные положения доклада Батюшкова легли в основу его статьи о Брюсове для «Русской литературы XX века. 1890–1910» (под редакцией С. А. Венгерова), увидевшей свет в 1914. (См.: Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С. А. Венгерова. Кн. 1. М., 2000. С. 124–137).

⁴ Доклад Батюшкова, скорее всего, был направлен против работы Айхенвальда «Валерий Брюсов. Опыт литературной характеристики», которая отдельным изданием была опубл. в 1910 (М., Изд. «Заря». Сер. «Критическая библиотека», № 1) и под заглавием «Валерий Брюсов» вошла в состав 3 выпуска сборника «Силуэты русских писателей» (М.: Научное слово, 1910). В 1913 году этот выпуск «Силуэтов русских писателей» вышел 2-м изданием, которое позиционировалось автором как «исправленное и значительно дополненное». Очерк «Валерий Брюсов» подвергся только незначительным изменениям, основной пафос остался прежним. Критик отказывал Брюсову в поэтическом таланте и в финале статьи писал: «Хотелось бы верить, что он еще найдет себя. Пока же за его стихами не чувствуешь ничего, и как-то плоски они, лишены третьего измерения. Пока же Брюсовым еще можно иногда любоваться, но его нельзя любить. И хотя он так давно пишет, кажется, что он еще ничего не написал, – только собирается, только начинает» (Силуэты русских писателей. Вып. 3. М.: Научное слово, 1910. С. 99). Ср.: «Он ищет себя, он усердно работает, он – не “раздружившийся с трудом”. Но за его стихами не чувствуешь ничего, кроме стихов, и как-то плоски они, лишены третьего измерения, высшего измерения живой человеческой глубины. И Брюсовым еще можно иногда залюбоваться, но его нельзя любить. В объективном отношении слишком скудны результаты его напряжений и ухищрений, он трудом не обогатил красоты; но если Брюсову с его сухой и тяжеловесной, с его производной и литературной поэзией не чуждо некоторое значение, даже некоторое своеобразное величие, то это именно – величие преодоленной бездарности. Однако, таковы уже изначальные условия человеческих сил, что преодоленная бездарность, – это все же не дар» (Силуэты русских писателей. 2-е изд., испр. и значит. доп. Вып. 3. М.: Научное слово, 1913. С. 200–201).